

Едва рассвело, Хэ Бянь уже вышел из дома и направился к хижине из соломы — так можно было избежать лишних встреч.

Раньше он вставал рано ради пропитания.

Теперь — тоже ради пропитания.

Всё равно приходится жить, стиснув зубы, из последних сил. Чего ему бояться? В крайнем случае он вытащит на свет все грязные и постыдные тайны деревни Тяньцзя и подожжёт её — пусть станет посмешищем для всех окрестных селений.

С этими мыслями Хэ Бянь почувствовал, как только что поднявшийся в душе страх и тревога были подавлены ненавистью.

Злоба вскипела, и снова стало тяжело в груди — дыхание словно резало сердце острыми лезвиями, невыносимо больно.

Он перестал об этом думать, сосредоточившись лишь на том, как уговорить того дурака помочь ему.

Он не знал, понимает ли тот человеческую речь и поддаётся ли контролю.

Нужно было ещё придумать, как говорить, чтобы не спровоцировать его на удар.

Если тот хлопнет его одной пощёчиной и убьёт — вся его жизнь опять станет посмешищем.

По дороге Хэ Бянь снова и снова прокручивал в голове слова, и вскоре оказался у тёмного входа в соломенную хижину. Его губы чуть дрогнули — он замешкался, не зная, как позвать.

Не кричать же "эй, дурак". Хотя в мыслях он именно так его и называл.

И просто "эй, эй" звучало бы как-то невежливо.

В итоге он отодвинул наполовину прикрытую соломенную занавесь и толкнул дверь.

В мёртвой тишине несколько мух жужжали, суетливо и беспорядочно пытались забраться ему в уши, глаза, рот и нос. Вместе с этим на него обрушился резкий смрад, от которого его чуть не вырвало.

Хэ Бянь поспешно отдёрнул голову, глубоко вдохнул у входа и лишь потом снова заглянул внутрь грязной хижины.

В тесном, полутёмном помещении стояла духота, сырость и плесень, смешанные с запахом пота и мочи.

Какая же вонь... неудивительно, что даже мухи стремятся отсюда сбежать.

Он не успел даже подумать об этом, как заметил в тёмном углу сжавшуюся в комок фигуру.

Растрёпанные волосы, вся голова в грязи, пыли и соломе; лица не разглядеть — всё заросло щетиной.

Рваная, изношенная одежда не скрывала костлявых плеч и коленей, на которых уже устроили себе гнёзда мухи.

Похоже на брошенный в углу труп.

Хэ Бянь вздрогнул от испуга, его нога инстинктивно потянулась назад к выходу. Но вскоре он сделал несколько шагов вперёд и осторожно присел. В полумраке, против света, он не мог толком разглядеть лицо, поэтому аккуратно раздвинул грязные волосы, закрывавшие его, и протянул пальцы к носу и губам.

Как же так...

Сердце, зависшее в тревоге, словно рухнуло вместе с ним, когда он тяжело осел на землю.

Как он мог умереть?

В прошлой жизни ведь всё было иначе.

Тогда этот благодетель позже покинул деревню, и он лишь стоял у её края, глядя вслед удаляющейся, всё более размытой фигуре.

Почему же теперь он умер?

Хэ Бянь, хоть и таил в душе ненависть к приёмной семье, после перерождения всё равно помнил о своём спасителе. Это было словно последняя искра доброты и света, последняя нить, связывавшая его с этим миром.

И вот теперь, в этой зловонной, сырой соломенной хижине, исчезла и эта крохотная надежда.

Да... всё, на что он надеялся с самого детства, раз за разом обращалось в ничто, словно сама судьба снова и снова отбрасывала его прочь.

Но на этот раз... какая разница — жизнь у него и так пропащая. Он не собирается больше покоряться судьбе.

Хэ Бянь поднял руку, вытер уголки глаз, подавляя отчаяние, одиночество и отвращение к самому себе. Глубоко вдохнув, он решил заняться телом благодетеля — пусть это станет его способом отплатить за добро.

Тело уже начало коченеть. Обрывки тряпья, пропитанные грязной, зловонной жижей, липли к нему. Обнажённые колени торчали острыми углами, как наконечники мотыги, а голени исхудали до костей, обтянутых кожей.

В прошлой жизни благодетель зашил его раны и дал ему чистую одежду. Поэтому Хэ Бянь побежал домой, тайком достал одежду приёмного отца, нашёл деревянный таз и тряпки и принёс всё это в соломенную хижину.

Подготовив всё необходимое, Хэ Бянь опустился на колени и стал обтирать лицо своего благодетеля. Когда влажная тряпица провела по грубой коже, унося с собой слой за слоем въевшуюся грязь, под плотно сомкнутыми, тяжёлыми веками вдруг дрогнули глазные яблоки.

Хэ Бянь решил, что ему померещилось, но вскоре задрожали и ресницы.

Он замер, поражённый.

Словно каменная статуя, он задержал дыхание.

Его ясные глаза широко раскрылись, и в них отразились медленно распахивающиеся веки.

Эти глаза... веки острые, как лезвия, зрачки чёрные, словно тушь, взгляд холодный, равнодушный, пронзительно ледяной. В этом оценивающем, опасном взгляде было что-то такое, от чего по спине пробежал холод. Стоило им встретиться взглядом — и Хэ Бянь похолодел до кончиков пальцев; его выпрямленная спина обмякла, и он осел на пол.

Вскоре в этих глазах появилось замешательство.

В мёртвой тишине раздалось "урчание" — протяжное "грр..." из живота мужчины, и это словно спасло Хэ Бяня.

С пустой головой он выпалил:

«Ты... оживший мертвец или переродился?»

Мужчина слегка повернул глаза, глядя на стоящего перед ним ребёнка: ростом не больше метра пятидесяти-шестидесяти, весом от силы тридцать-сорок килограммов, тёмнокожий, с чрезмерно худыми щеками, из-за чего глаза казались слишком большими. Он не смел смотреть прямо, взгляд метался, делая его глуповатым и лёгкой добычей.

Как бродячий, потерянный сиамский кот.

«Меня зовут Чжоу Ци. Похоже... я переместился»

Хэ Бянь тупо уставился на него, не понимая ни слова.

Голос мужчины был хриплым и низким, сухим, словно в горле у него перекачивался песок.

Но эти глаза... Хэ Бянь не мог подобрать слов — они были острее и хищнее небесного орла, холоднее зимнего льда. Перед ним сидел жалкий, почти умерший безумец, а казалось — будто он взирает на весь мир сверху, не ставя ни во что ни небо, ни землю.

Под этим взглядом сердце Хэ Бяня невольно заколотилось, как барабан. Подавляя желание убежать, он спросил:

«Тогда... ты помнишь, где твой дом? Кем ты был раньше?»

«Сверхкрупный боевой робот из межзвёздного апокалиптического будущего. Случайно пробудил духовную силу и обрёл человеческое сознание. Не захотел быть палачом в руках человеческой власти, устроил резню среди императорской знати... а потом, открыв глаза, оказался здесь».

Говорил он впервые — слова давались тяжело, будто он зачитывал инструкцию.

Хэ Бянь, напряжённо слушавший каждое слово: ...что за тарбарщина?

Очень странный, явно с бредом в голове дурак.

Но, к счастью, с ним хотя бы можно было как-то общаться — он понимал человеческую речь.

Хэ Бянь снова окинул его взглядом. Тот был высоким — даже сидя в углу казался горой, — но измождённым и оборванным. Неясно, способен ли он вообще кого-то ударить.

Но... у Хэ Бяня не было других помощников. Даже такой лучше, чем никакого.

Страх постепенно ушёл. Обращаясь к дураку, он заговорил уже свободнее, с нарочито отработанной повелительностью:

«Раз тебе теперь некуда идти, можешь работать на меня. Я дам тебе еду и крышу над головой.

Раньше он всегда угождал, был покорным и униженным — слишком часто его предавали, и он научился бояться. Люди ведь привыкли: слабого — давят, перед сильным — отступают. Даже рядом с этим дураком, к которому он хотел приблизиться и начать доверять, он не мог позволить себе потерять бдительность.

Но в глазах Чжоу Ци это выглядело как ребёнок, который изо всех сил пытается казаться взрослым. В сочетании с его жалким, рваным видом это придавало ему лишь больше нелепости и жалости.

Тело Чжоу Ци было истощённым и слабым. Хотя его духовная сила сейчас составляла и двух десятых от прежнего уровня, да ещё и находилась в неактивированном состоянии, для этого примитивного древнего мира этого было более чем достаточно.

К тому же в воздухе здесь не ощущалось никаких энергетических колебаний — чтобы пробудить духовную силу, оставалось полагаться лишь на обильную пищу.

Видя, что Чжоу Ци задумался, Хэ Бянь, задрав голову, продолжил:

«Тебе не нужно ничего делать... просто, если меня будут обижать, ты помоги мне выглядеть посильнее. Ты же сам сказал, что ты какой-то очень крутой, даже императорскую знать убивал. С простыми людьми тебе ведь нечего бояться».

Чжоу Ци взглянул на его сжатые в кулаки ладони.

«Хорошо».

«Делай, как я скажу. Ты ведь умный, должен понимать мои слова, да?»

Мужчина не ответил.

Хэ Бянь, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие, не получив ответа, невольно растерялся.

Он задрал подбородок, глядя на высокого мужчину, который наполовину надел одежду. Мысли путались, голова гудела. Он вдруг остро почувствовал себя таким же незаметным, как пыль в этом углу, никому не нужной.

И вышел наружу, присев у входа.

Чжоу Ци, одеваясь, одновременно разбирал воспоминания прежнего хозяина тела и понял, что перед ним — типичная семья трудяг, ничего стоящего внимания.

От постоянных убийств он устал. Небо дало ему сознание, позволило, будучи холодным оружием, увидеть всю грязь, подлость, эгоизм и глупость человеческой природы. Он ясно знал, что презирает людей — и всё же оказался в теле человека.

Но став человеком... что теперь делать?

Новорождённое сознание Чжоу Ци на мгновение растерялось.

Он только привёл мысли в порядок, как из-за двери донёлся тихий всхлип.

Чжоу Ци невольно посмотрел наружу через дверной проём. В этот час закат разливался повсюду мягким светом: дальние горы тянулись плавными зелёными контурами, на близких полях кончики рисовых колосьев были окрашены нежным сиянием. Всё вокруг тонуло в лёгкой дымке. На акации неумолчно стрекотали цикады, и сельский вечер начала лета казался тихим, отрешённым от мира, словно райским уголком.

Ощущения человека отличались от ощущений машины.

<http://bllate.org/book/17226/1612956>